

С.Г. Давыдов

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Россия, г. Москва
e-mail: sdavydov@hse.ru

О САРЕ ОАТС И ЕЕ НЕОСОВЕТСКОЙ МОДЕЛИ МЕДИА. ПРЕДИСЛОВИЕ НАУЧНОГО РЕДАКТОРА ПЕРЕВОДА

Читателю впервые предлагается перевод на русский язык программной статьи Сары Оатс «Неосоветская модель медиа», опубликованной в 2007 году (Sarah Oates, 2007). В предисловии научного редактора перевода обосновывается актуальность публикации. Дана характеристика теоретического контекста появления статьи, включая научную дискуссию о нормативных теориях медиа середины 2000-х годов. Цель научного осмысления – предложить критический взгляд на методику исследования Сары Оатс, а также ряд замечаний о трансформации российской медиасистемы за 16 лет, прошедшие после публикации статьи. В данной статье представлены две части: предисловие научного редактора и непосредственно перевод статьи Сары Оатс «Неосоветская модель медиа».

Как указывается в аннотации Сары Оатс, в статье «исследуется генезис неосоветской модели средств массовой информации. На основе результатов изучения российских медиа в постсоветский период, а также обзора их деятельности во время выборов в указанном регионе, в статье делается вывод о том, что российские медиа в настоящее время функционируют в «неосоветском» ключе. В число факторов, формирующих эту модель медиа, входят отказ от сбалансированного подхода или объективности; наличие изъянов в законодательстве, регулирующем деятельность медиа; самоцензура; вмешательство государства и давление на СМИ; недостаток профессионализма в журналистской среде; а также атмосфера насилия в отношении журналистов. Кроме того, при переходе от советской к неосоветской модели имеет место преемственность в том, как медиа воспринимаются их аудиторией».

Ключевые слова: Сара Оатс, неосоветская модель медиа, медиасистема, цензура, постсоветское пространство, контент-анализ.

S.G. Davydov

National Research University Higher School of Economics, Russia, Moscow
e-mail: sdavydov@hse.ru

About Sarah Oates and her neo-Soviet media model. Preface by the scientific editor of the translation

The reader is offered for the first time the translation of Sarah Oates' program article "The Neo-Soviet Media Model", published in 2007 (Sarah Oates, 2007). In the preface by the scientific editor of the translation, the relevance of the publication is substantiated. The theoretical context of the article's appearance is characterized, including the scientific discussion about the normative theories of media in the mid-2000s. The goal of the scientific reflection is to offer a critical eye at the research methodology of Sarah Oates, as well as a number of comments on the transformation of the Russian media system over the 16 years after the publication of the article. This article has two parts: preface by the scientific editor and direct translation of the article by Sarah Oates "The Neo-Soviet Model of Media".

As annotated by Sarah Oates, the article "explores the genesis of the neo-Soviet media model. Based on the results of the study of Russian media in the post-Soviet period, as well as a review of their activities during elections in the above region, the article concludes that Russian media currently operate in a "neo-Soviet" manner. Factors shaping this media model include the rejection of a balanced approach or objectivity; the presence of flaws in the legislation regulating the activities of the media; self-censorship; state interference and pressure on the media; lack of professionalism in the journalistic environment; and an atmosphere of violence against journalists. Furthermore, in the transition from the Soviet to the neo-Soviet model, there is continuity in how the media are perceived by their audience."

Keywords: Sarah Oates, neo-Soviet media model, media system, censorship, post-Soviet space, content analysis.

С.Г. Давыдов

«Высшая школа экономики» Ұлттық зерттеу университеті, Ресей, Мәскеу қ.
e-mail: sdavydov@hse.ru

Сара Оатс және оның кеңестік емес медиа моделі. Аударманың ғылыми редакторының алғы сөзі

Оқырманға алғаш рет Сара Оатс-тың 2007 жылы жарияланған «Нео-кеңестік медиа моделі» бағдарламалық мақаласының аудармасы ұсынылады (Sarah Oates, 2007). Аударманың ғылыми редакторының алғы сөзінде жарияланымның өзектілігі негізделеді. 2000 жылдардың ортасындағы медианың нормативтік теориялары туралы ғылыми пікірталасты қоса алғанда, мақаланың пайда болуының теориялық мазмұнына сипаттама берілген. Ғылыми тұжырымдаманың мақсаты – Сара Оатс зерттеу әдістемесіне сыни көзқарас, сондай-ақ мақала жарияланғаннан кейін 16 жыл ішінде ресейлік медиа жүйенің өзгеруі туралы бірқатар ескертулерді ұсыну. Бұл мақалада екі бөлім ұсынылған: ғылыми редактордың алғысөзі және Сара Оатс-тың «Нео-кеңестік медиа моделі» мақаласының тікелей аудармасы.

Сара Оатс аннотациясында айтылғандай, мақалада «бұқаралық ақпарат құралдарының кеңестік емес моделінің» генезисі зерттеледі. Посткеңестік кезеңдегі ресейлік медианы зерттеу нәтижелері, сондай-ақ осы аймақтағы сайлау кезіндегі олардың қызметіне шолу негізінде мақалада ресейлік медиа қазіргі уақытта «нео-кеңестік» негізде жұмыс істейді деген қорытынды жасалады. Медианың осы моделін қалыптастыратын факторларға: теңдестірілген тәсілден немесе объективтіліктен бас тарту; медиа қызметін реттейтін заңнамада кемшіліктердің болуы; жеке бас цензурасы; мемлекеттің араласуы және БАҚ-қа қысым жасау; журналистік ортада кәсібиліктің болмауы; сондай-ақ журналистерге қатысты зорлық-зомбылық атмосферасы жатады. Сонымен қатар кеңестік модельден кеңестік емес модельге көшу кезінде бұқаралық ақпарат құралдарын өз аудиториясы қалай қабылдайтындығы бағытында сабақтастық бар.

Түйін сөздер: Сара Оатс, Нео-кеңестік медиа моделі, медиа жүйе, цензура, посткеңестік кеңестік, мазмұндық талдау.

Введение

Бурное развитие медиакоммуникаций – одна из ярких тенденций последних полутора столетий. Расширение глобальной читательской аудитории как результат политики повышения уровня грамотности; значительные достижения в области документализации, хранения и передачи аудиальной и визуальной информации; развитие и распространение компьютерных, сетевых и мобильных технологий кардинально изменили сферу социального взаимодействия. Трансформации других систем общества в значительной степени взаимосвязаны с изменениями медиасистемы. Динамика социального, политического и других сегментов формирует запрос на понимание происходящих процессов. Необходимо отделить «пену дней», сиюминутное и наносное, от устойчивых форм и изменений тектонического характера.

Традиция изучения медиасистем восходит к деятельности Комиссии по свободе прессы, созданной в 1942 году по инициативе крупного американского издателя Г. Льюиса. По итогам 5 лет работы Комиссия опубликовала текст, озаглавленный «Свободная и ответственная печать. Общий доклад о массовой коммуникации:

газеты, радио, кино, журналы и книги». В нем впервые была сформулирована теория социальной ответственности прессы, предполагающая, что последняя добровольно идет на ограничения своих прав в интересах общества. Еще через 9 лет, в 1956-м, три американских профессора – Ф. Сиберт, У. Шрамм и Т. Питерсон – опубликовали книгу «Четыре теории прессы». Наряду с теорией социальной ответственности авторы дали характеристику еще трем теориям: авторитарной, либертарианской и советской коммунистической. На несколько десятилетий эта работа стала главным источником в области анализа медиасистем. Повестка медиакоммуникационных исследований изменилась в 2004 году в связи с выходом книги Д. Халина и П. Манчини «Сравнивая медиасистемы».

Не будем подробно останавливаться на нормативных теориях, изложенных в двух перечисленных работах. Соответствующий анализ есть в статье С. Оатс «Неосоветская модель медиа», перевод которой мы предлагаем сегодня вниманию русскоязычного читателя (см. Таблицы 1, 2 и комментарии к ним). Нам важно обратить внимание на тот факт, что Д. Халлин и П. Манчини предложили эмпирическую программу исследования медиасистем в контексте политического

развития. Авторы ограничиваются анализом современных медиасистем стран Северной Америки и Западной Европы. Исследовательский вопрос, который актуализируется в связи с их работой, касается происходящего с медиасистемами за границами Западного мира. Медиасистемами, которых принято считать недемократическими, и которые изучены гораздо слабее медиасистемами демократических стран.

Последнее утверждение в полной мере справедливо по отношению к медиасистемам постсоветского пространства. Действительно, У. Шрамм анализировал советскую коммунистическую теорию прессы. Однако с распадом СССР прекратила существование и советская медиасистема. Была необходима интерпретация новых реалий, которую и предложила С. Оатс. Поскольку на постсоветском пространстве это имя известно лишь узкому кругу специалистов (ранее на русском был опубликован лишь один ее небольшой текст, к которому вернемся ниже), представим нашего сегодняшнего автора.

Материалы и методы

Итак, профессор Сара Оатс – одна из наиболее авторитетных международных экспертов в области политической коммуникации, в научных интересах которой Россия и постсоветское пространство занимают особое место. Профессиональную карьеру она начала в качестве репортера и редактора газеты «Орландо Сентинел» (1986-1992), в которую пришла сразу после получения степени бакалавра английского языка в Йельском университете. В 1996 году Оатс защитила в Университете Эмори (Атланта, Джорджия) магистерскую диссертацию на тему «Поведение избирателей и развитие партий в новых демократиях: Выборы в Российскую Думу 1993 и 1995 годов», а в 1998 году там же получила ученую степень доктора политических наук. В период с 1996 по 2012 годы сотрудничала с Университетом Глазго. В это время на некоторое время вернулась в политическую журналистику, совмещая академическую деятельность с работой политическим обозревателем радио Би-Би-Си Шотландия (2008-2012).

В 2012 году Сара Оатс перешла на работу в Колледж журналистики имени Филиппа Меррилла Мэрилендского университета в качестве профессора и старшего научного сотрудника. По-прежнему занимая эти позиции, Сара Оатс продолжает регулярно выступать на различных

медийных площадках в качестве приглашенного эксперта, а также ведет собственные медиаресурсы – сайт «Медиа-Политика» (www.media-politics.com) и авторский канал в Twitter ([media_politics](https://twitter.com/media_politics)).

Исследовательский интерес Сары Оатс к постсоветским медиа не случаен. Она неоднократно приезжала в страны бывшего СССР, прекрасно владеет русским языком. О российских медиа и политике, наряду с многочисленными научными статьями, говорится в книгах «Телевидение, демократия и выборы в России» (Oates, 2006) и «Революция в тупике: Политические ограничения Интернета на постсоветском пространстве» (Oates, 2013). Последняя, посвященная роли Интернета в протестной активности россиян зимой 2011-2012 годов, отмечена престижной премией Алека Ноува в области российских, советских и постсоветских исследований Британской ассоциации славянских и восточноевропейских исследований (BASEES).

Статья «Неосоветская модель медиа» была опубликована в британском научном журнале *Europe-Asia Studies* 15 лет назад, через три года после вышеупомянутой работы Халлина и Манчини. Фактически она писалась в другой реальности – как медийной, так и политической. 2007 – год выпуска первого iPhone корпорации Apple. Оставался год до военного конфликта между Россией и Грузией в Южной Осетии, три года до регистрации Дмитрия Медведева – на тот момент Президента РФ – в Twitter, пять лет до появления в российском законодательстве понятия «иностранный агент», семь лет до зимней Олимпиады в Сочи и присоединения Россией территории Крыма.

Хотя С. Оатс и опирается на ряд положений Д. Халлина и П. Манчини, ее метод построения модели неосоветской медиасистемы существенно отличается от подхода этих авторов. Последние использовали для компаративного анализа характеристики национальных медиасистем и политических систем. В частности, рассматривая медиасистемы, они использовали характеристики газетных индустрий, наличие политического параллелизма, уровень профессионализации деятельности журналистов и роль государства в регулировании медиапроцессов. Параметры анализа политических систем у Д. Халлина и П. Манчини связаны с историей построения демократии, характером взаимоотношений государства и общества, развитостью рационально-правовых органов власти и т.д.

Эмпирическое исследование Сары Оатс построено на материалах контент-анализа отчетов о ходе 18 электоральных кампаний, подготовленных Европейским институтом средств массовой информации и охватывающих пять постсоветских стран: Армению, Беларусь, Молдову, Россию и Украину. Предложенная исследовательская программа вызывает ряд методических вопросов. В частности, исследователь работает с источником информации, внешним по отношению к анализируемой группе медиасистем и описывающим работу медиа в достаточно специфической ситуации (выборы). Пять перечисленных стран не репрезентируют все постсоветское медиапространство; в выборке отсутствуют страны Балтии и Средней Азии.

Требуют дополнительного методического обсуждения и некоторые критерии кодирования – например, цензура и самоцензура. Невозможно отрицать многочисленные примеры ограничения деятельности СМИ, давления на них со стороны властей на постсоветском пространстве – как до, так и после 2007 года. Однако есть ли основания считать данные формы давления именно практиками цензурирования? После распада СССР институт цензуры был упразднен, цензура запрещена в России в соответствии со Статьей 3 действующего Закона РФ от 27.12.1991 № 2124-1 «О средствах массовой информации» (Закон РФ, 1991). Тем более было бы странно говорить о цензуре в контексте соответствующих институтов XIX века в Российской Империи или странах Европы. Недемократические режимы успешно адаптировались к современным медиакоммуникационным реалиям, и механизмы этой адаптации нуждаются в дальнейшем теоретическом осмыслении.

Еще более проблемным выглядит концепт самоцензуры. Фактически он используется для обозначения случаев умолчания. Методическая проблема заключается в том, что умолчание – одна из базовых коммуникационных стратегий. Ее выбор в условиях давления – политического или коммерческого – в той или иной степени характерен для любых сообществ, демократических или недемократических. В отсутствие критериев самоцензуры как практики умолчания данное понятие представляется скорее «заряженным» в политическом дискурсе, чем характеризующим какие-либо специфические социальные реалии недемократических сообществ.

Безусловно, произошли серьезные изменения в самой российской медиасистеме. Роль те-

левидения остается значимой, во многом этому способствовала реализация государственного проекта перехода на цифровое вещание, завершившегося в 2019 году. Значительно выросла многоканальность домашних хозяйств. Спутниковое ТВ больше не является «уделом состоятельных людей в муниципальных центрах», имея достаточно высокое проникновение в сельской местности. При этом существенно выросла как доступность Интернета, так и доверие к нему как к источнику информации.

Впрочем, ни социально-политические изменения с момента написания статьи, ни высказанные выше критические соображения не снижают познавательной ценности предложенной Сарой Оатс несоветской модели медиа. Многие замечания и характеристики, высказанные автором, по-прежнему актуальны, а вектор происходящих изменений определен весьма точно.

В 2011-м году Сара Оатс дала небольшое интервью «Русскому Журналу», посвященное роли социальных сетей в протестной активности в странах Северной Африки и Ближнего Востока. До настоящего времени это была единственная публикация Сары на русском языке. Завершим наши вводные замечания небольшой цитатой из этого текста, характеризующей в том числе те изменения, которые делают невозможным возврат к советской модели медиа в современных условиях. Отвечая на вопрос, как соотносится современная ситуация с большевистской теорией революций, Оатс говорит: «Мне кажется, что это разные методы и цели. Большевики были заинтересованы, прежде всего, в получении контроля над потоками информации, они хотели получить монополию на информацию. В XXI веке уже никто не обладает монополией на информацию. Однако государство может получить монополию на нарратив, то есть на изложение фактов. Например, Администрация Президента Путина очень хорошо умела пользоваться этим ресурсом, излагая факты, которые принимались большинством россиян. Эти факты были популярны у населения, потому что с их помощью озвучивались определенные национальные стандарты и идеалы, которые нравились гражданам. Обама смог добиться схожего успеха у демократов, но отнюдь не у республиканцев. Путин очень чутко смог понять интересы основополагающего большинства страны. Государству не обязательно контролировать средства массовой информации, если оно способно контролировать большую часть идеалов и ценностей населения,

и в этом правительство Путина очень преуспело» (Оатс, 2011).

«Дивный новый мир», наступление которого в последние годы активно декларируют многие аналитики, ставит перед последними многочисленные вопросы. В числе прочего, необходимо понимать, какими инструментами мы, жители постсоветского пространства, располагаем для организации их обсуждения. Модель Сары Оатс – одна из тех разработок, которые помогут в достижении этого понимания.

С. Оатс

Университет Глазго, Глазго,

G12 8QQ, Шотландия¹

*e-mail: soates@umd.edu

НЕОСОВЕТСКАЯ МОДЕЛЬ МЕДИА² (THE NEO-SOVIET MODEL OF THE MEDIA³)

Хотя медиа считаются важной частью гражданского общества, нет единой точки зрения по поводу того, какую роль должны играть СМИ в демократической стране. Кроме того, даже в относительно стабильных, устоявшихся демократиях, в отношениях между медиа, общественностью и представителями политической сферы имеет место серьезная напряженность. Пожалуй, еще менее понятна роль медиа во времена политических вызовов, связанных с напряженностью и потрясениями, сопровождающих войны, террористическую деятельность и революции. Социальные исследователи по-прежнему не уверены в том, руководят ли медиа политическими изменениями или, в более циничном варианте, просто поддерживают консенсус победителей политической борьбы. Возможно, именно по этой причине «модели» медиа относительно мало используются для сравнительного анализа, с учётом возможности оценивания и измерения нормативных функций медиа в различных политических системах. Имеются данные о степени «свободы» медиа, которые

собираются и публикуются по всему миру, но эти оценки обычно представляют собой проекцию конкретной национальной медиа-традиции (как правило, Соединенных Штатов) на медиасистему другой страны с целью ее проверки на соответствие образцу.⁴ Как часто отмечают медиа критики, крайне коммерциализированная медиасистема Соединенных Штатов, возможно, является не лучшим образцом для построения в широком смысле демократической медиасистемы в других странах. Именно поэтому невероятный опыт постсоветской медиасистемы, которая, начиная с 1991 года, сталкивается с огромным количеством проблем, особенно полезен для оценки практической применимости «моделей» медиа. Соответствует ли постсоветская модель СМИ — и в особенности её российский вариант — больше западным представлениям о медиа или она скорее представляет собой обновленную версию советской модели медиа? Еще важнее ответить на вопрос, что означает для понимания роли медиа в обществе в целом превращение постсоветских медиа в институт, который вместо укрепления власти граждан способствовал восстановлению власти элит? Как пример России может помочь нам продвинуться в оценке общей способности медиа поддерживать — или подрывать — демократические институты?

В данной статье используются четыре основных подхода к вопросу о существовании и интеллектуальной ценности неосоветской модели медиа. Во-первых, в статье рассматриваются классические модели средств массовой информации, в частности, модели, разработанные Сибертом и др. (1963) в период холодной войны. Во-вторых, оценивается деятельность российских СМИ в рамках гражданского общества. Далее приводится анализ данных из пяти бывших советских республик (России, Украины, Молдовы, Беларуси и Армении), показывающий, какие из основных черт постсоветских российских СМИ перекликаются с тем, что мы видим на территории большей части бывшего Советского Союза. Другими словами, какие элементы постсоветской медиасферы оказываются частью общесоветского журналистского наследия, а какие характерны именно для России? Наконец, в статье представлена предлагаемая автором неосоветская модель медиа, способная продемон-

¹ Аффiliation указана на момент первой публикации статьи на английском языке.

² Перевод с английского Р.А. Телешуна. Научный редактор перевода С.Г. Давыдов

³ Sarah Oates (2007) The neo-Soviet model of the media, *Europe-Asia Studies*, 59:8, 1279-1297, DOI: 10.1080/09668130701655150. © 2007 Университет Глазго, перепечатано с разрешения Taylor & Francis Ltd, <http://www.tandfonline.com> от имени Университета Глазго.

⁴ Например, см. www.freedomhouse.org, последнее обращение 3 августа 2007.

стрировать, как советское прошлое повлияло на конкретную (и, возможно, неизбежную) неудачу в деле превращения СМИ в инструмент формирования гражданского общества в России.

Сопоставление моделей медиа с постсоветской системой

В своей классической работе 1963 года Сиберт, Петерсон и Шрамм отнесли мировые медиа к четырем моделям: либертарианской, модели социальной ответственности, авторитарной и советской. Сиберт и его коллеги утверждали, что советская модель прессы предполагала поддержку со стороны медиа марксистско-ленинского взгляда на окружающую действительность; авторитарная модель вела к полному подчинению прессы государству; либертарианская модель поддерживала идею о том, что мнения должны высказываться свободно; а модель социальной ответственности подразумевала, что средства массовой информации должны активно работать над освещением всех сегментов общества (дополнительная информация приведена в Таблице 1). С тех пор эти модели обсуждались, критиковались, назывались артефактом холодной войны и часто просто игнорировались. Тем не менее, они остаются важной отправной точкой в обсуждении медиа и публики в обобщенном виде. Все эти модели представляют собой «идеальные» типы, в отличие от существующих медиасистем, хотя и очевидно, что либертарианская (или коммерческая) система соответствует модели Соединенных Штатов, точно

так же как советская система соответствовала модели СССР.

Большая часть дискуссий среди анализирующих медиасистемы сосредоточена в настоящее время либо на либертарианской модели, либо на модели социальной ответственности. Лучше ли одна из систем по сравнению с другой? Неудивительно, что страны склонны одобрять ту модель, которая наиболее близка к их собственной системе, как ясно и то, что у любой системы есть свои преимущества и недостатки относительно роли, которую медиа играют по отношению к демократии. Например, считается, что движущей силой либертарианской или коммерческой системы являются нужды потребителей. Следовательно, главной обязанностью новостных медиа в свободных обществах является предоставление широкой публике информации о значимых текущих событиях (а также обеспечение её развлекательным контентом). Обо всем, что происходит и кажется интересным или важным для аудитории медиа, следует сообщать быстро, точно и без попыток передать какую-то одну точку зрения. Аудитории предоставляется право решать, чему верить, а что подвергать сомнению. Либертарианская медиасистема ограничивает роль медиа как политических «привратников», снижая важность вопросов о том, кто владеет средствами информации, и существует ли предвзятость со стороны журналистов.

Таблица 1- Классические модели медиасистем

Модель	Определение
Либертарианская (Коммерческая)	Медиа вольны публиковать то, что они хотят. Нападки на органы власти разрешены и даже поощряются в интересах улучшения состояния общества. Журналистам и медиакомпаниям предоставлена полная автономия. (Печатные медиа США и Великобритании)
Социальной ответственности	Медиа не обладают полной свободой публиковать то, что они хотят, поскольку у них есть определенные обязательства перед обществом по предоставлению информации и сохранению баланса. Медиа обязаны быть доступными всем социальным группам. Медиа и органы власти являются партнерами в построении гражданского общества. (Вещательные медиа Великобритании)
Авторитарная	Медиа удовлетворяют потребности государства посредством прямого контроля со стороны органов власти. Медиа запрещено печатать или транслировать что-либо, способное подорвать основы действующей власти или оскорбить существующие политические ценности. Контроль осуществляется путем цензуры и наказания уличённых в нарушении установленных правил. (Северная Корея)
Советская	В теории, медиа служат интересам рабочего класса, а чувство ограничения/цензуры произрастает из сознательности журналистов, их солидарности с рабочими. На практике советские медиа, как и в авторитарной модели, контролировались государством. (Бывший СССР, Китай – под вопросом)

Система, ориентированная на потребителя, гораздо менее уязвима для манипуляций как со стороны влиятельной группы элит, так и со стороны незрелых масс. Такая система характеризуется высоким уровнем доверия по отношению к аудитории в части принятия решения о том, что является важным, и обобщения критических сведений об обществе. Тем не менее, высокий уровень доверия аудитории может быть источником проблем, так как, согласно исследованиям, люди часто предпочитают развлечения серьезным вопросам. Существуют обоснованные опасения, что нефилтрованная информация, опубликованная без учета ее возможного воздействия на общество, может привести к серьезным проблемам. В краткосрочной перспективе это может вести к проявлениям насилия. В долгосрочной перспективе это может вести к разрушению функциональной структуры общества.

Модель социальной ответственности СМИ призвана решить некоторые из этих проблем за счет более продуманной политики использования информации в обществе. Модель социальной ответственности предполагает, что средства массовой информации организуют производство новостей таким образом, чтобы обеспечить поддержку гражданского общества и предотвращение антиобщественного поведения (Negrine, 1994). Или, как отмечает Грабер, «приверженцы принципов социальной ответственности считают, что новости и развлечения, представляемые средствами массовой информации, должны отражать социальные интересы». Это превращает СМИ в защитников общественного блага, которые «должны, когда это необходимо, стимулировать политические действия путём обнародования информации об общественном зле», например, для предотвращения радиоактивного заражения или жестокого обращения с детьми (Graber, 2005, стр. 22). Медиа не должны транслировать нежелательные точки зрения и сомнительные обвинения, даже если они носят сенсационный характер. Однако, если медиа считают, что органы власти скрывают информацию, принципиально важную для общественных интересов, журналисты обязаны находить эту информацию и делать ее общедоступной. Преимущества модели социальной ответственности СМИ по сравнению с более свободной и менее контролируемой либертарианской моделью очевидны. Модель социальной ответственности обеспечивает обществу определённый уровень защиты от всего, начиная с дурного вкуса

и заканчивая информацией, способной привести к панике и насилию. Эта модель защищает общество от вредоносной, искаженной или даже опасной информации. В целом, она работает на достижение общественного консенсуса, в то время как либертарианское освещение одних и тех же новостей может вести к разрушению согласия. Модель социальной ответственности СМИ помогает поддерживать чувство общего блага и, вполне вероятно, формировать национальное самосознание. С другой стороны, она лишает граждан права действовать на основе информации, предоставляемой в полном объеме — даже если это способно привести к несправедливости или насилию — и наделяет медийные организации значительно большими правами в части контроля за распространением информации в обществе. Если «привратническая» роль медиа усиливается, они становятся более подвержены риску манипулирования информацией и контроля со стороны внешних сил, например, государства.

Многие современные исследователи политической коммуникации отвергают модели, разработанные Сибертом и его соавторами. Например, Беннетт считает, что при оценке влияния медиа на общество более целесообразно рассматривать взаимосвязь медиа и политической власти: медиа могут по-разному фреймировать принуждающую роль власти в обществе, «поощряя, препятствуя, скрывая или разоблачая ее». Кроме того, медиа могут избирательно подходить к официальному освещению политических процессов, рассказывая об одних политиках и их деятельности и игнорируя других. Наконец, медиа важны для «передачи ценностей, формулирования проблем и образов людей в обществе, обеспечивающих их информацией для размышления о жизни и о своих отношениях с властью, политикой и обществом» (Bennet, 2000, стр. 205). Это последнее определение представляется особенно важным для общества переходного типа, страны с авторитарным режимом и еще слабыми демократическими институтами. Однако, здесь также таится опасность, заключающаяся в том, что акцент на ценностях, которые разобщают население или не способствуют развитию гражданского общества, — например, на национализме доминирующей группы или на сильном руководстве в противовес массовым предпочтениям, — может иметь пагубные последствия для развития гражданского общества.

Однако если медиа решили бы «руководить» своей аудиторией, пытаясь слишком явно бро-

сильно вызов убеждениям большинства, они рисковали бы потерять как внимание аудитории, так и ее доверие. Ситуация осложняется тем, что оценить мнение или настроение аудитории часто бывает трудно, особенно когда журналисты оказываются в определенной степени изолированными от рядовых граждан. Это, по сути, описывает главную проблему авторитарной модели медиа. Кроме того, во всех моделях медиа ни государственные, ни коммерческие СМИ не могут действовать без учета существующей конкуренции. Даже при условии, что их структура финансирования позволяет игнорировать краткосрочные популярные тенденции, что технически верно в отношении Британской вещательной корпорации (Би-би-си), если медиа теряют долю аудитории до такой степени, что не могут донести информацию до значительного числа людей, они становятся маргинализированными. Существуют убедительные доказательства того, что медиа зачастую преследуют собственные интересы и соблюдают собственные традиции, которые, как представляется, противоречат самой идее моделей медиа. СМИ в Соединенных Штатах, несмотря на растущую озабоченность в отношении «инфотейнмента», по-прежнему уделяют относительно большое внимание выборам. В свою очередь, Би-би-си продолжает освещать торжественные государственные мероприятия, такие как церемония открытия парламента в Вестминстере и возложение венков погибшим на войне в День памяти несмотря на то, что для зрителей они имеют низкую динамику.

Медиаисследования стран, соответствующих авторитарной или советской моделям, изучены в меньшей степени. Это печальный факт если иметь в виду, что долгосрочные исследования Советского Союза, безусловно, выявили интересные и значимые изменения внутри «монопольной» структуры власти. Медиаисследования в несвободных государствах — и более того, любые исследования медиа за пределами Соединенных Штатов и Великобритании — довольно редки. В то же время внутри несвободных государств существуют элементы, важные для общего понимания связей медиа с политической властью. В то время как западные аналитики ведут дискуссию об относительных достоинствах общественного вещания, регулировании, замалчивании фактов, освещении избирательных кампаний и других вопросах, они зачастую упускают из вида более широкие вопросы, касающиеся медиа и демократии в целом. Например, соглас-

но Спарксу (Sparks, 2000), весь спор о государственных и коммерческих медиа не затрагивает сути вопроса. Он утверждает, что фокус обсуждения взаимоотношений медиа и общества должен быть перенесен с отличий между государственными и коммерческими СМИ на то, кто фактически контролирует медиа при любом типе собственности. Например, Спаркс говорит о том, что две классические модели медиа, предложенные Сибертом и др. (советская и либертарианская) не работают из-за того, что в обеих системах экономическая и политическая власть сильно переплетены между собой. Следовательно, эти системы, по сути, никогда не могли быть противопоставлены друг другу, поскольку и в либертарианской, и в советской медиасистеме основной контроль над СМИ находится в руках элит. Для Спаркса власть важнее того, в государственной или коммерческой сфере находятся люди, контролирующие медиа. Именно такой подход представляется эффективным для изучения российской медиасферы и ее связи с политической властью. Действительно, идеи Спаркса нашли отклик в высказываниях российских участников фокус-групп, вполне резонно указывающих на то, что НТВ не стал бы крупным коммерческим каналом без тесных связей с администрацией Ельцина. Как сказал 21-летний студент из Ульяновска, в современной России трудно отделить «государственные» интересы от «коммерческих», что представляется довольно глубокой оценкой российского гражданского общества (Oates, 2006, стр. 51).⁵

Все это неминуемо приводит нас к вопросу о той роли, которую должны играть медиа в гражданском обществе. Неудивительно, что этот вопрос интересовал философов на протяжении веков и является предметом множества разнообразных трудов.⁶ Хотя ясно, что мнение о том, что представляет собой демократия, весьма зависит от культурного контекста, большинство критиков согласны с тем, что медиа играют крайне важную роль в развитии гражданского общества. Относительно конкретной природы этой роли ученые расходятся во мнениях. Хотя для Дала демократия скорее идеал, чем реальный тип госуправления, он считает свободу выражения мнений, свободу медиа и всеобщее право на выражения своего мнения ключевыми

⁵ Фокус-группа, март 2000 г.

⁶ Некоторые из классиков двадцатого века: Даль (Dahl 1989), Хабермас (Habermas 1989) и Хантингтон (Huntington 1991).

компонентами гражданского общества. Хабермас, который стал известен благодаря своим попыткам осмыслить роль медиа в становлении демократии, утверждает, что медиа обеспечивают критическую «сферу», внутри которой публика может дискутировать и обсуждать политику, постоянно двигаясь по пути создания лучшего общества. Хантингтон считает, что медиа играют важную просветительскую роль, и чем более просвещенными являются граждане, тем больше шансов на установление демократии. Существуют, однако, разные определения того, что представляет собой «просвещение», а что, на самом деле, является просто «пропагандой»; эти определения отличаются не только в зависимости от типа режима, но даже в странах с относительно схожими политическими идеологиями. Именно эта идея лежала в основе исследований Халлина и Манчини (2003), которые сравнивали медиасистемы и пытались смоделировать роль медиа в политической сфере более изощренными и, возможно, более эффективными способами, чем те, которые были предложены более 40 лет назад Сибертом и его соавторами.

Согласно Халлину и Манчини, одна из центральных проблем «Четырех теорий прессы» заключается в том, что элементы всех моделей (кроме советской) явно присутствуют во многих демократиях. Они обнаружили, что на сегодняшний день указанные четыре модели не способствуют пониманию роли медиа в политической сфере, а скорее ограничивают его. Основываясь на исследовании политических систем в Северной Америке и Европе, Халлин и Манчини выделили либеральную модель, модель демократического корпоративизма и модель поляризованного плюрализма (см. Таблицу 2). Составляя и тестируя свои модели, Халлин и Манчини пришли к выводу, что эффективным образом сравнивать целые медиасистемы очень сложно. Кроме того, они обнаружили, что коммерциализация и глобализация привели к «значительной конвергенции» медиасистем разных стран, что очень усложнило построение аналитических моделей медиа и политической сферы для какой-либо отдельной страны (Халлин и Манчини, 2003, стр. 12). Хотя три разработанные ими модели предлагают более глубокое понимание того, как сегодня работают медиасистемы, и основаны на современных исследованиях, они также демонстрируют ограничения, стоящие на пути построения «моделей», способных эффективно объяснить отношения между медиа и политикой в

сравнительном контексте. Россия не вписывается ни в одну из этих моделей, что не удивительно. Ценность исследования Халлина и Манчини в отношении России заключается в том, что оно побуждает ученых в процессе создания моделей медиа использовать эмпирические данные, относящиеся к конкретному кейсу. Ниже мы предпринимаем попытку рассмотреть состояние нынешних российских медиа и сравнив его с факторами, характерными для советских медиа. Есть ли у них принципиальные отличия, или же «рамка» советских медиа дает нам возможность лучше понять роль, которую играют в политике современные российские медиа?

Современная российская медиасфера

После распада Советского Союза, произошедшего в 1991 году, новое российское руководство в целом отказалось от производства детально проработанного, постановочного контента, характерного для советских времен. В то же время стало ясно, что аудитории необходимо, чтобы руководители государства внушали уверенность и авторитет, и что советские традиции и визуальная история были важной частью этого чувства. Это не удивило бы таких аналитиков, как Шадсон, который в своей работе «Власть новостей» (“The Power of News”) убедительно отстаивает мнение о том, что невозможно отделить «новости» от «культуры»; то, что журналисты «производят и воспроизводят, не является информацией — если таковая вообще существует; это то, что признается или принимается в качестве общественного знания, с учетом определенных политических структур и традиций» (Shudson, 1995, p. 31). Эта точка зрения максимально близка к озвученной российскими участниками фокус-групп в 2000 и 2004 годах, когда они рассказывали о своем восприятии медиа и той роли, которую они играют в их обществе.⁷ Русские, в подавляющем большинстве, отвергают идею наличия «объективности» или хотя бы «сбалансированности» в своих массмедиа (Oates, 2006). Скорее, они воспринимают медиа как политических игроков, обычно

⁷ На основе материалов 24 фокус-групп, проведенных в Москве, Ульяновске и деревне под Воронежем в 2000 г., а также восьми фокус-групп в Москве и Ульяновске в 2004 г. Вопросы для фокус-групп были подготовлены автором, модерация фокус-групп велась компанией Russian Research Ltd. Подробные результаты фокус-групп см. в Oats (2006), в частности в главах 3 и 7. Указанное исследование финансировалось за счет двух грантов британского Совета по экономическим и социальным исследованиям. (R223350028 and R000223133).

находящихся на службе у своих финансовых и политических покровителей. Поэтому российская аудитория хорошо понимает, что «новости», которые они получают из таких источников, как программы «Время» на Первом канале или «Сегодня» на НТВ, — это информация, прошедшая через мощные политические фильтры. И пока у

них есть понимание того, с каким типом фильтра они имеют дело, они считают, что могут понять новости. Они также добавляют, что любой, кто считает, что этого «фильтра» не существует применительно к любой медиасистеме, просто наивен.

Таблица 2 – Модели медиа Халлина и Манчини

Название модели	Определение	Страны/регионы, являющиеся базовыми для модели
Либеральная	Относительное преобладание рыночных механизмов и коммерческих медиа. Относительно небольшая роль государства.	Великобритания, Ирландия, Северная Америка
Демократического корпоративизма	Историческое сосуществование коммерческих медиа и медиа, связанных с организованными социальными и политическими группами. Относительно активная (но юридически ограниченная) роль государства.	Северная часть континентальной Европы
Поляризованного плюрализма	Включенность медиа в партийную политическую борьбу, исторически более слабое развитие коммерческих медиа. Сильная роль государства.	Средиземноморские страны южной части Европы

Одна из самых обескураживающих особенностей российских медиа — их очевидное разномыслие, которое, однако, не ведет к формированию эффективной, независимой политической власти. Хотя аналитики изначально присвоили России статус «развивающейся демократии», демократические институты в стране развития не получили. Скорее появляются институты, демократические по форме, включая СМИ, выборы, парламент и всенародно избранного президента, однако этим институтам не хватает демократического содержания. В результате большинство массмедиа просто повторяют сказки о демократическом взаимодействии. Любые попытки пойти против мнения руководства страны по таким ключевым вопросам, как коррупция в высших эшелонах власти, ход войны в Чечне, взяточничество или притеснение политических оппонентов, недопустимы. Как отметила участница фокус-группы в Ульяновске в приведённом выше комментарии, в современной России трудно отделить финансовые интересы от интересов медийных.⁸ В результате, определить, в каких случаях вопросы финансирования отрицательно влияют на свободу медиа и наоборот, может быть затруднительно. Однако в настоящий момент совершенно очевидно, что в России происходит значительное, прогрессирующее ограни-

чение свободы медиа. Хотя проблемы, связанные с предвзятостью (особенно при освещении выборов), существовали уже начиная с 1993 г., более серьезное наступление на средства массовой информации началось после того, как Путин занял свой пост в марте 2000 г. Некоторые из этих шагов, направленных на ограничение свободы медиа, получили достаточно широкое освещение, в частности, захват НТВ и принудительная смена собственника телеканала в 2001 г., а также убийство репортера «Новой газеты» и военного корреспондента в Чечне Анны Политковской в 2006 г. В дополнение к этим сигналам, явно свидетельствующим об ограничении свободы слова, существуют многочисленные менее громкие случаи давления на медиа, голос которых не во всем согласен с Кремлем. Например, в апреле 2007 г. представители российских органов власти арестовали компьютерные серверы и фактически остановили деятельность Фонда «Образованные медиа» в Москве (ранее «Интерьюс Россия»). В качестве обоснования ареста серверов был приведен тот факт, что два сотрудника организации не задекларировали 10000 евро, когда вернулись в страну в январе 2007 г. Согласно пресс-релизу, выпущенному Фондом «Образованные медиа», ошибка в декларации обычно приводит к небольшому штрафу (2000 рублей, что составляет около 57 евро). Фонд «Образованные медиа» на протяжении многих

⁸ Фокус-группа, март 2000 г.

лет обучал российских журналистов и информировал об их правах.

В России сочетаются государственная и коммерческая собственность на всех уровнях печатных и вещательных медиа. Однако доминирующим видом медиа в России является телевидение. Главенствующая роль центральных телевизионных каналов в России, в отличие от многих западных стран, остается практически бесспорной благодаря нескольким факторам. Во-первых, в стране слабо развит Интернет, поскольку как по телекоммуникационной инфраструктуре, так и по уровню личных доходов, необходимых для приобретения дополнительных медиа услуг, Россия отстает от большей части стран Запада. Общероссийские газеты относительно дорогие, и многие люди просто не могут позволить себе такую роскошь, как подписка. То же самое можно сказать и о спутниковом телевидении, которое, как правило, остается уделом состоятельных людей в муниципальных центрах. В результате центральные телеканалы в России сохраняют то особое политическое влияние, которого на сегодняшний день нет в таких странах, как США и Великобритания. Доминирующими сетями (осуществляющими вещание на 1-м и 2-м телевизионных каналах) являются государственные Первый канал и ВГТРК (канал РТР). Формально российскому государству напрямую принадлежит только 51% Первого канала, однако большая часть оставшейся доли находится в руках государственных предприятий, контролируемых Кремлем. В результате Кремль сохраняет право нанимать и увольнять директора канала. С момента создания современного российского государства в 1991 г. эта возможность использовалась много раз. Однако в условиях более устоявшегося авторитарного путинского режима необходимость в постоянных назначениях и увольнениях отпала. Сотрудники всех СМИ прекрасно понимают границы того, что можно говорить в эфире или в печати. Здесь напрашивается параллель с советским периодом, когда редко требовалось вмешательство цензора, поскольку к тому времени, когда советские журналисты получали свою первую работу, они уже понимали «линию» партии и то, какие формулировки требовались от них во всех репортажах.

Несмотря на наличие в России ряда тем, не получающих почти никакого содержательного освещения, в целом новостей много. Существует более 400 газет (больше, чем в советское вре-

мя), но большинство из них довольно мелкие и испытывают финансовые трудности (BBC, 21 февраля 2007 г.).⁹ Кроме того, все значимые газеты придерживаются линии Кремля. Есть несколько новостных радиостанций, в том числе относительно либеральная «Эхо Москвы», но в целом по России радио почти не выдает в эфир серьезные альтернативные новости. Хотя существуют известные профессиональные веб-сайты, посвященные российским новостям и политике, многие из них отражают ограниченный набор новостей из основных российских медиа. В любом случае авторитет Интернета как источника новостей в России остается относительно низким. В наиболее популярной телевизионной сфере наблюдается устойчивый рост, и количество каналов, доступных для половины населения России, увеличилось с пяти в 2004 г. до девяти в 2006 г. (Kachkaeva et al., 2006).

Если есть разнообразие медиа, почему отсутствует свобода медиа? Источники проблемы лежат в двух основных областях: отсутствие в России действенного законодательства, а также недостаточный уровень журналистского профессионализма. Свобода слова гарантирована Конституцией России 1993 г., но она не стала основой медийного законодательства, защищающего эту концепцию. Напротив, относительно защиты свободы слова в правовой системе есть серьезные изъяны (Oates 2006). Удивительно, но в России фактически отсутствует современное законодательство, регулирующее ключевой для ее медиасистемы вещательный сектор. Кроме того, в стране идет «война» законов, затрагивающая как сектор медиа, так и смежные области, поскольку президент может издавать указы, противоречащие законам, принятым парламентом. Ситуацию еще больше осложняет тот факт, что регионы регулируют медийную деятельность на местном уровне. Они могут вводить дополнительные законы, даже противоречащие федеральным, касающиеся деятельности медиа и журналистов. Поскольку значительная часть финансирования местных медиа поступает от местных органов власти (и само их существование зачастую находится в прямой зависимости от доброй воли регионального руководства), медиа оказываются весьма уязвимы перед местным законодательством. Согласно исследова-

⁹ В рамках своего функционала BBC осуществляет мониторинг СМИ по всему миру. Указанный отчет доступен по ссылке: <http://news.bbc.co.uk/1/hi/world/europe/4315129.stm>, последнее обращение 22 мая 2007 г.

ниям Центра права СМИ Факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, некоторые региональные законы о СМИ фактически противоречат национальному законодательству, что делает невозможным деятельность медиа в рамках обоих правовых полей (European Institute for the Media, 2000a, p.19). В результате закон, не создавая правовое пространство для медиасферы, предоставляет политикам местного и федерального уровня дополнительные возможности угрожать медиа закрытием в случае негативного освещения ими тех или иных вопросов. Изредка медиа одерживают юридические победы, однако они относительно редкие и незначительные.¹⁰

Ключевой вопрос в отношении российских журналистов заключается в том, изменились ли они коренным образом по сравнению с теми временами, когда работники СМИ играли общепризнанную роль винтиков в системе пропаганды Коммунистической Партии Советского Союза. Продолжают ли они считать себя политическими игроками, а не политическими наблюдателями, действующими в интересах граждан? Понятно, что журналистам, работавшим в советское время пропагандистами, может быть трудно приспособиться к переменам. Однако есть достаточно веские доказательства того, что и постсоветские поколения журналистов не видят себя в роли бескорыстных поборников гражданского общества (Pasti, 2005; Voltmer, 2000; European Institute for the Media, 2000a, 2000b). Проблема, по большей части, носит чисто практический характер. Журналисты в России вынуждены следовать новостной повестке, определяемой силами, которые контролируют их СМИ. Хотя в начале постсоветского периода имел место определенный разброс мнений, со временем данное разнообразие становится все более ограниченным, поскольку Кремль все в меньшей и меньшей степени готов мириться с несогласием со своей политикой. СМИ, финансируемые государством, могут лишиться субсидий, если не будут следовать линии Кремля. Если коммерческие СМИ критикуют администрацию президента по ключевым вопросам (например, выступая против путинской коррупции или войны в Чечне), они зачастую теряют финансовый контроль из-за государственных санкций, включая строгое

применение постоянно меняющихся законов, регулирующих финансовую сферу. Даже если отдельные журналисты решат взяться за неоднозначные вопросы, они моментально столкнутся с ограничениями со стороны осторожных редакторов и издателей. В своем интервью в марте 2004 г. ведущий политического ток-шоу «Свобода слова» на НТВ Савик Шустер пожаловался, что его начальники с телеканала постоянно звонят ему, высказывая недовольство его намерением пригласить гостей, откровенно высказывающих своё мнение.¹¹ Через несколько месяцев его шоу было закрыто.

Даже оставив за скобками практические проблемы, касающиеся сохранения работы (а иногда свободы или даже жизни), мы все равно столкнемся с весомыми доказательствами того, что российские журналисты не считают себя политическими “сторожевыми псами” или теми, кто бросает вызов политическому статус-кво. Большинство российских журналистов считают себя участниками политической игры и не стремятся изменить эту роль (European Institute for the Media, 2000a; Oates, 2006). Они работают на конкретного политического «покровителя». Зрителям, читателям и слушателям будут предложены «новости», которые, по сути, являются пропагандой точки зрения политического покровителя. Поскольку в России большая часть власти сконцентрирована в руках президентского аппарата, каких-либо отклонений от линии Кремля сегодня почти не происходит. Это, в частности, означает практически полное отсутствие значимых новостей из Чечни. В целом, это означает, что у граждан России практически нет информации, необходимой для конструктивного обсуждения политических вопросов или участия в общественной жизни.

Определённое разнообразие в российской медиасфере всё же сохраняется, поскольку в небольших СМИ представлен широкий спектр мнений и новостей. В частности, московские «Новая газета» и радиостанция «Эхо Москвы» продолжают освещать такие темы, как война в Чечне, наличие несогласных с политикой Путина, марши протеста и политическая оппозиция. Они делают это в атмосфере угрозы, в том числе их личной безопасности. Как отмечалось выше, самая известная оппозиционная журналистка, корреспондент «Новой газеты» Политковская, была убита в октябре 2006 г. в лифте своего дома.

¹⁰ Например, средства массовой информации успешно оспорили имеющий в значительной мере ограничительный характер закон об освещении выборов, принятый в 2003 г., который сделал бы для них практически невозможным обсуждение партийной политики или идеологии при освещении выборов.

¹¹ Интервью с автором, редакция НТВ, Москва, март 2004 г.

Несмотря на то, что ее смерть вызвала бурю негодования во всем мире, президент Путин назвал ее работу «крайне незначительной» для российской политической жизни.¹² В России ее смерть была мало кому интересна. Это неудивительно, так как, по оценкам международного Комитета защиты журналистов (CPJ), всего за одно десятилетие в постсоветской России было убито 29 журналистов. Многие погибли, освещая войны в Чечне, но, по оценкам организации, за четыре года после прихода к власти Путина по меньшей мере 11 журналистов стали жертвами заказных

убийств¹³. При наличии таких примеров судьбы журналистов-расследователей неудивительно, что у большинства российских журналистов тонко развито чувство самоцензуры и самосохранения. Также, к сожалению, многие из них легко идут на получение взяток (особенно во время выборов) за написание благоприятных статей об одних кандидатах и публикацию клеветнических слухов о других (European Institute for the Media, 2000a; Oates, 2006).

Продолжение следует

¹² Путин сделал указанное заявление на совместной пресс-конференции с канцлером Германии Ангелой Меркель в Дрездене. Он также назвал данное убийство «омерзительным по своей жестокости преступлением». См. «Чечня: Политковскую оплакивали как «последнюю надежду», Радио Свободная Европа/Радио Свобода, 11 октября 2006 г., полный текст статьи доступен по ссылке: <http://www.rferl.org/featuresarticle/2006/10/955DF0B0-A445-46EF-A7F8-A49B36A501E8.html>, последнее обращение 3 августа 2007 г.

¹³ См. «Журналисты, убитые при исполнении служебных обязанностей за последние 10 лет», отчет Комитета по защите журналистов, доступен по ссылке: http://www.cpj.org/killed/killed_archives/Intro.html, последнее обращение 3 августа 2007 г. Количественные оценки включают только те случаи, когда имеются доказательства, позволяющие предположить, что журналист был убит в качестве расплаты за ведущую им работу или попал под перекрестный огонь при выполнении опасного задания. В указанное количество не входят журналисты, погибшие в результате несчастных случаев, не имеющих явной связи с их работой.

Литература по предисловию

- Закон РФ от 27.12.1991 N 2124-1 (ред. от 01.07.2021) «О средствах массовой информации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 29.06.2022). Дата доступа: 12.07.2022. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1511/.
- Oates S. *Television, Democracy and Elections in Russia*. London: RoutledgeCurzon, 2006.
- Oates S. *Revolution Stalled: The Political Limits of the Internet in the Post-Soviet Sphere*. New York: Oxford University Press, 2013.
- Оатс С. Перехватывайте нарратив // Русский журнал. 08.02.2011. Дата доступа: 12.07.2022. URL: <http://russ.ru/Mirovaya-povestka/Perehvatyvajte-narrativ>.
- Sarah Oates (2007) The neo-Soviet model of the media, *Europe-Asia Studies*, 59:8, 1279-1297, DOI: 10.1080/09668130701655150

A reference to the preface

- Oates S. *Television, Democracy and Elections in Russia*. London: RoutledgeCurzon, 2006.
- Oates S. *Revolution Stalled: The Political Limits of the Internet in the Post-Soviet Sphere*. New York: Oxford University Press, 2013.
- Zakon RF от 27.12.1991 N 2124-1 (red. ot 01.07.2021) "O Sredstvah Massovoj Informatsii" (s izm. i dop., vstup. v silu s 29.06.2022). [The Law of the Russian Federation of 27.12.1991 N 2124-1 (ed. of 01.07.2021) "On Mass Media" (with amendments and additions, came into force on 06/29/2022)] Date of access: 12.07.2022. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1511/. [In Russian]
- Oates S. *Perehvatyvajte Narrativ [Intercept the Narrative]* // Russian Journal. 08.02.2011. Date of access: 12.07.2022. URL: <http://russ.ru/Mirovaya-povestka/Perehvatyvajte-narrativ>. [In Russian]
- Sarah Oates (2007) The neo-Soviet model of the media, *Europe-Asia Studies*, 59:8, 1279-1297, DOI: 10.1080/09668130701655150

A reference of the original article by Sara Oates

- Bennett, L.W. (2000). *Media Power in the United States* (Curran, J. & Park, M.-J., Eds).
- Curran, J. & Park, M.-J. (2000). *De-Westernizing Media Systems*.
- Dahl, R. (1989). *Democracy and its Critics*. Yale University Press.
- Entman, R.M. (2003). Cascading Activation: Contesting the White House's Frame after 9/11, *Political Communication*, 20, 4.
- European Institute for the Media (2000a). *Monitoring the Media Coverage of the December 1999 Parliamentary Elections in Russia: Final Report*. European Institute for the Media. <http://www.media-politics.com/eimreports.htm>
- European Institute for the Media (2000b). *Monitoring the Media Coverage of the March 2000 Presidential Elections in Russia: Final Report*. European Institute for the Media <http://www.media-politics.com/eimreports.htm>

- Graber, D. (2005). *Mass Media and American Politics* (7th ed.). Congressional Quarterly Books.
- Habermas, J. (1989). *The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society*. Polity.
- Hallin, D. & Mancini, P. (2003). *Comparing Media Systems: Three Models of Media and Politics*. Cambridge University Press.
- Huntington, S. (1991). *The Third Wave: Democratization in the late 20th Century*. University of Oklahoma Press.
- Hutcheson, J., Domke, D., Billeaudeau, A. & Garland, P. (2004). US National Identity, Political Elites, and a Patriotic Press Following September 11. *Political Communication*, 21, 4.
- Kachkaeva, A., Kiriya, I. & Libergal, G. (2006). *Television in the Russian Federation: Organisational Structure, Programme Production and Audience*. Internews Russia for the European Audiovisual Observatory. Educated Media Foundation.
- McDonald, I.R. & Lawrence, R.G. (2004). Filling the 2467 News Hole: Television News Coverage Following September 11th. The Annual Meeting of the American Political Science Association.
- Negrine, R. (1994). *Politics and Mass Media in Britain* (3rd ed.).
- Oates, S. (2004). From the Archives of the European Institute for the Media: Analysing the Results of a Decade of Monitoring of Post-Soviet Elections. The British Association for Slavonic and East European Studies Conference, Fitzwilliam College. www.media-politics.com
- Oates, S. (2006). *Television, Democracy and Elections in Russia*.
- Pasti, S. (2005). Two Generations of Contemporary Russian Journalists. *European Journal of Communication*, 20, 1.
- Schudson, M. (1995). *The Power of News*. Harvard University Press.
- Siebert, F.S., Peterson, T. & Schramm, W. (1963) *Four Theories of the Press*. University of Illinois Press.
- Smyth, R. (2006). *Candidate Strategies and Electoral Competition in the Russian Federation: Democracy without Foundation*. Cambridge University Press.
- Sparks, C. (2000). 'Media Theory After the Fall of European Communism: Why the Old Models from East and West Won't Do Anymore', in Curran, J. & Park, M-J. (eds).
- Voltmer, K. (2000). Constructing Political Reality in Russia: Izvestiya—Between Old and New Journalistic Practices. *European Journal of Communication*, 15, 4.